

Матьяна Веденская

ЛУЧШИЙ
РОМАН
ОТНОШЕНИЯХ
серия
секреты



Все
в наших
счастливых
сердцах

Тираже книги достиг
1 000 000 экземпляров!

Татьяна Веденская

Не в парнях счастье

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436255

Татьяна Веденская. Не в парнях счастье: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45286-6

Аннотация

Диана считала, что внимание Сергея к ее персоне – незаслуженное счастье, небывалая удача, умопомрачительное везение. Еще бы! Не красавица, не умница по фамилии Сундукова, проживающая с вечно уставшей матерью и папашей-пьянчужкой в тринадцатой квартире дома под снос, – гордиться и впрямь нечем. Поэтому ради любимого парня девушка готова была на все. Только достоин ли избранник такого самопожертвования? И не обманывается ли Диана, что только в этом мужчине ее счастье?

Содержание

Часть первая	4
Глава первая,	4
Глава вторая,	19
Глава третья,	33
Глава четвертая,	46
Глава пятая,	60
Глава шестая,	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Татьяна Веденская

Не в парнях счастье

Монике-Наташке с пожеланием счастья

Часть первая

Любовь зла

Глава первая,

*в которой я появляюсь на свет
и занимаю в нем свое место*

*Как можно тебя любить, если ты даже
картошку пожарить не можешь?*

«Мужчины о любви»

Дом наш номер девять по бульвару Генерала Карбышева был стар. Люди, которые его населяли, жили в нем по многу лет, некоторые родились в нем же, то есть не совсем в нем, а, конечно же, в роддоме на Полежаевской, самом близком отсюда. Но роддом – это не то место, в котором начинается жизнь. Она все-таки окончательно вступает в свои права,

когда тебя, мокрого, кричащего, завернутого в пеленки, выносят на свет божий за пределы стерильного блока, щурясь от солнца (если таковое, конечно, не спрятано за тучами, что совсем не редкость в Москве). И уж совсем ты становишься товарищем и гражданином, когда тебя кладут в кроватку с деревянными прутьями, делают умильные лица и идут в кухню, чтобы с помощью крепких горячительных напитков отметить появление еще одного полноправного человека на свет. А человек, как известно, – это звучит гордо.

Лично я считаю, что все мои проблемы в жизни, в том числе и то, какая я, понимаете ли, уродилась, отчасти связаны с тем, куда именно меня принесли из роддома. Может ли сложиться благополучно судьба человека, прожившего все годы своей непутевой жизни в квартире под номером тринадцать? Впрочем, начиналось все не так уж и плохо. Родилась я во времена всеми теперь забытого Советского Союза, родилась благополучно, за восемь часов, и, как водится, первый свой крик, возмущенный несправедливостью этого мира, издала после увесистого шлепка по попе.

– Хорошая девчушка, – заверил маму акушер. – Как назовете, уже думали?

– Да когда мне, – пожаловалась мама. – Только ведь и бегая, с работы домой, из дома на работу, пока ее папаша футбол смотрит. Хоть бы поработал. Парткома на него нет!

– Да что вы говорите, – посочувствовал акушер, тихо отползая к выходу. О чем бы и кто бы ни спросил мою маму в

любое время дня и ночи, она обязательно начинала ругаться на своего законного супруга, Ивана Андреевича Сундукова, моего родителя. Такова у нее, как говорится, была «мотивация». И гражданская позиция. Мама работала на конфетной фабрике, приносила в подоле полные кульки карамели, получала копейки и считала, что во всех ее бедах, включая и мое рождение, виноват только он – ее муж. Последнее, кстати, не лишено логики. Без папиного участия я бы вряд ли появилась на свет.

Впрочем, папочке мамины инсинуации почему-то были безразличны. Он сидел себе тихо, примус починял, так сказать. Получал пенсию, иногда подрабатывал на почте, разносил по району газеты, если наш почтальон заболел. Да, футбол папа любил. А еще любил сидеть у нашего первого подъезда, на лавочке напротив пункта сбора стеклотары. Или отираться около продуктового магазина, в простонародье зовущегося «стекляшкой». «Стекляшка» располагалась в том же доме, что и стеклотара, только с лицевой стороны пункта, и торцом упиралась в наш дом номер девять. Там имелся отдел живого пива, в котором были расставлены высокие грязные исцарапанные столики. Папа это все очень одобрял.

– Тут всегда есть с кем пообщаться, – говорил он, звякая пустыми бутылками. – Весь цвет общества.

– Хоть ребенка-то не приучай, изверг, – возмущалась мать. Но что поделать, если у нас во дворе уж такая сло-

жилаась геополитическая ситуация. Все было рядом, прямо в двух шагах, включая детскую площадку, которая примыкала к пункту сдачи стеклотары. Естественно, в какой бы день мать ни выперла папашу гулять со мной, пока она «хоть немного выдохнуть сможет», папуля прогулку совмещал со светской жизнью. Он пользовался особенной популярностью среди местного бомонда, так как был завсегдатаем тусовок и приемов.

– Вы сегодня не были на Карбышева? Свежайшее сегодня там давали пиво!

– Что вы говорите! Какая жалость, а мы сегодня приглашены к Болконским в тошниловку на набережной.

– Что ж, передавайте привет. Не советую злоупотреблять канапе. Случается, на Карамышевской-то вобла тухленькая!

– Всенепременно учту.

Сами понимаете, как часто обратно с прогулки уже не папа вел меня, а я его.

– Что ж ты за ирод! – кричала мать, когда я, на цыпочках, в прыжке, с третьей попытки доставала до дверного звонка. Папа сидел на ступеньках и мирно ловил воображаемых инопланетян.

– Мам, я есть хочу, – просила я.

– Все вы есть хотите! И пить. А мать что? Мать пусть на работе хоть загнется! Вот ведь подлец стопроцентный! Кобелина.

– Зинаида, ш-ш-ш, – с трудом выдавливал из себя отец,

пока мать, матерясь последними словами, затаскивала его в дом.

Но в целом у нас была полноценная семья. А что, нет? Какая еще семья могла бы прожить столько лет в тринадцатой квартире? И знаете, что самое странное? В принципе я считаю, что мое детство было вполне счастливым. Не верите? Судите сами. Я имела столько свободного времени, сколько хотела. Потому что отцу было вообще не до меня, а мать все время норовила меня куда-то пристроить, чтобы она смогла... да-да, «хоть выдохнуть немного». В школе я училась из рук вон плохо. Знания просачивались через меня, не оставляя и следа, как волны океана смывают жалкие отпечатки человеческих стоп – без остатка. Но родителям и даже бабушке – папиной маме – было не до того. Они вполне считали свой педагогический долг исполненным, если после вызова к классной руководительнице или вообще к директору всей семьей, хором, на три голоса орали на меня и швыряли чем под руку попадет.

– Что ж ты за шалава такая, чем у тебя только голова набита! – орала мать. – Неужели эту чертову математику выучить не можешь? Хочешь на второй год остаться? Хочешь, чтоб тебя из пионеров поперли?

– Ты, дочь, расстраиваешь нас, – баритоном бубнил отец.

– А ты ее не учи, сам-то что – лучше? – моментально переключалась мать. – Таскаешься? Думаешь, если инвалид, то можно лапки кверху и все на меня?

– Папа, ты инвалид? – ужаснулась я.

– Мозга! – моментально отреагировала мать. – Пропил здоровье, а теперь государство ему плати!

– Ты мальчика не трогай, он такой из-за тебя, – вступалась третьим голосом бабуля. Что ни говори, а сын есть сын, даже когда этот сын заходит к тебе домой раз в месяц, не чаще, хотя ты живешь всего в двух кварталах, на набережной. И заходит в основном, чтобы стрелкнуть двадцатку «до пенсии», хоть и ты, и он знаете, что двадцатка уже никогда не вернется. Папа был человеком простым и непритязательным. И во многом он обеспечил мою пожизненную лояльность к представителям сильного или, вернее, сильно пьющего пола. Папу я любила, папа был ко мне ласков и добр, особенно после «приема» у «стекляшки». Когда папа принимал пиво, он становился сентиментален и склонен к долгим разговорам, прерываемым только на удовлетворение естественных нужд у забора пункта приема тары.

– Папа, а ты счастлив?

– А как же? – удивлялся он.

– Но мама тебя не любит. Она орет же все время.

– Мама меня не любит? – даже немного обижался папуля. – Да мы с Зинкой сто лет вместе. Она просто такая уж есть – буйная. Зато готовит! Ты, дочь, учись. Самый короткий путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

– Да? – удивлялась я и со всей своей детской непосредственностью пыталась представить себе этот самый путь.

Буквально представить. От двенадцатиперстной кишки до левого желудочка. И хихикала, представляя, как прокладывается этот путь.

– Смейся-смейся, – суровел отец. – С тем, как ты готовишь, на тебе не женится и такой, как Аркашка.

– Ой, не очень-то и хотелось, – фыркала я в ответ. Да, готовила я омерзительно, и сколько бы экспериментов ни ставила, есть мои сгоревшие снаружи и сырые внутри блюда могли разве что бездомные коты. И то только зимой, когда на помойках вся другая еда замерзала. Но при чем тут Аркашка – наш сосед с четвертого этажа? Не о такой любви я мечтала, обнимая старую, сбившуюся в ком ватную подушку. Аркашка у нас был что-то вроде местного юродивого. Жил он уже много лет один, вернее, с псом Кузькой, неопределенной породы и воспитания. В силу каких-то неуловимых причин, с тех пор как ему исполнилось лет шестнадцать, мамаша его куда-то делась. Я не помню ни ее имени, ни того, как она выглядела, но знаю точно, что она была. И куда она подевалась, никто до конца не понял. Кажется, она уехала строить любовь с каким-то командированным, а квартиру оставила сыну. Но это было только предположением.

– Аркаш, а ты бы женился на мне? – спросила я его как-то, просто так, в шутку. Мы с Аркашей частенько сидели на детской площадке и беседы беседовали. Он хоть и был старше меня лет на десять, но по своей наивности и открытому отношению к миру и к людям равнялся солнечному зайчи-

ку. Жизнь его была простой и понятной, он работал грузчиком, тут же, в «стекляшке», зарплату получал пивом, так как денежный эквивалент все равно спускал бы на него же. И немного – продуктами питания. Потребности у него были минимальными, а коммуникабельность, особенно после употребления зарплаты внутрь, – просто образцовой. И дружить с ним было – одно удовольствие, если он не становился совсем уж в лежку пьян, конечно.

– Женился бы, отчего же, – подумав, ответил он.

– Что ты говоришь? А папа считает, я готовлю плохо, – добавила я.

– Ну, пельмени-то сваришь, – пожал плечами он. Да, это было мне по силам. Однако слова папины про мою женскую несостоятельность сильно запали мне в голову. Красотой я не блистала, если только не считать весьма внушительного уже на тот момент роста. Однако лицо у меня, как говорится, требовало кирпича: широкие скулы, нос-картошка, не слишком большие карие глаза. В профиль смотреть – так вообще можно только рыдать. Подбородок, правда, волевой, но вот руки – крупные, под стать росту, с широченными ногтями, которые сколько ни крась, ни маникюр – не смотрелись изящно. Нет, вообще во мне никогда не было ничего изящного – лошадь, она и есть лошадь. Только что ноги длинные. Так ведь на одних ногах далеко не уедешь, думала я. Да уж, мысль о сомнительных перспективах засела во мне прочно, навеяв мучительные сомнения и страхи. Да и отчего бы не

засесть, если ничего другого в голове не хранилось. Школа к тому времени уже подходила к своему логическому завершению, я готовилась пройти через последний позор последнего школьного года, игольное ушко экзаменов, а там оставить школу позади, переступив порог какого-нибудь пыльного училища. А что еще я должна была предположить при своем уровне интеллекта и образования? Не в институт же идти, в самом деле? Даст бог, хоть восьмилетку закончу без единого оставления на второй год. Но тут судьба вмешалась снова, в лице худенькой остроносой девчонки, сидящей на тюках с вещами. Около нашего подъезда.

– Привет, ты живешь тут? – первой спросила она, устав, видимо, подпирать небеса в ожидании грузчиков.

– А ты переезжаешь? – уточнила я, хотя ответ и так был очевиден.

– Нет, я тут на шухере стою, – огрызнулась она. – Сейчас дограбят – и уедем.

– Ну и удачи, – разозлилась я. Подумаешь, какая цаца!

– Подожди, – заволновалась она. – Я – Катерина.

– Катя? – переспросила я.

– Катя – это кукла с рыжими волосами. И в веснушках. А я – Катерина.

– В таком случае я – Диана. Как богиня, – задрала свой нос-картошку я. На богиню охоты я походила, как вошь на сокола. Чай не Мэрилин Монро. Скорее ближе к Мэрлину Мэнсону. Когда я смотрела на свое лицо в зеркало, хотелось,

знаете ли, закрасить холст и нарисовать все заново. Чтобы быть, как эта вот, Катерина.

– Дина?

– Диана, – фыркнула я в тон ей. Да уж, мама, видимо, очень старательно и ответственно подошла к выбору моего имени. Так и пошло, что я Диана Ивановна Сундукова из тринадцатой квартиры. Нормальное имечко? С таким могут и в комсомол не принять. Ну, что ж поделаешь, при моих показателях меня и так никуда не ждали. Ни в какие ячейки. Так что ФИО тут ни при чем. Впрочем, в жизни женщины есть безусловный плюс – она меняет фамилию столько, сколько захочется. С именем сложнее. Говорят, можно поменять и его, надо пойти и написать заявление, но я никогда всерьез об этом не думала. Вот если бы, как папа рассказывал, мама все-таки назвала меня Анфисой, я бы еще подумала. А так Динка – как картинка. В принципе нормально.

– Ты на каком этаже?

– На пятом.

– А мы будем на первом, – продолжила знакомство Катерина. Она, кстати, вообще по жизни сильная личность и старается все держать в своих руках. – В трехкомнатной. У меня комната – семь метров. Круто?

– Здорово.

– Кстати, мы из Беломорска.

– Ага, – немногословно отвечала я. Но на кусок дивана присела. И до самого обеда слушала, как тяжело спать, когда

солнце висит на небе круглосуточно, как свихнувшийся фонарь. И как здорово гулять по Белому морю, хоть и купаться в общем-то нельзя.

– Странно, – удивилась я. – Море – и нельзя купаться?

– А что странного? – обиделась она. – Как в Америке.

– Врешь.

– Там в Тихом океане тоже купаться нельзя.

– Как нельзя? Все купаются и не жужжат.

– Ты по географии что, двойку получила? Тихий океан – он леденящий. Там, в Америке у них, он не выше четырнадцати градусов. Да? Не знала?

– А ты отличница, что ли? – нахмурилась я. С отличниками у меня разговор короткий. Не нашего поля они ягоды. Сидят на первых партах, мечтают о карьере. Понимают, что такое диффузия. И интеграл. Нам с ними говорить не о чем.

– Ну и отличница. И что? Хочешь, и тебя научу? – у Катерины оказалась редкая особенность, она просто обожала брать кого-то на поруки. А я, соответственно, была идеальным объектом для порук. Так оно и пошло, особенно после того, как выяснилось, что учиться нам предстоит в одном и том же классе. Катерина взяла надо мной шефство, усадила, не дожидаясь согласия с моей стороны, рядом с собой, на второй парте, что смутило не только меня, но даже и учителей. Они считали, что зря она, Катерина, связалась со мной. Что я ее обязательно научу плохому. Материться – уж как минимум.

– Ты девочка хорошая, умненькая, – говорили ей. – Зачем тебе с ней водиться?

– Я должна ей помочь, – отвечала она, глядя ясными, красивыми васильковыми глазами на учителей. Особенно на математику. Он от меня вообще всегда сходил с ума, я была его самым страшным ночным, или, вернее, школьным кошмаром. Никогда не носила сменки, не стирала рубашек вовремя (а как, если маме вообще в голову не приходило, что у меня рубашек должно быть хотя бы две). Дневники и учебники убивала в хлам. А научить меня сложить два плюс три было невозможно, сколько ни ори. Формулы вылетали из другого уха со скоростью света. К тому же начала покуривать.

– Смотри, она все равно потом пойдет в ПТУ, – вздыхали все, но Катерина решила, что я обязана, просто обязана перейти в следующий класс. Ее уверенности и упертости можно было только позавидовать. Даже я не разделяла ее оптимизма.

– Ничего у меня не получится.

– Тут нет ничего сложного, – уверяла меня Катерина, усаживая в своей семиметровой комнате, пока у меня дома мама ругалась с папой или, если его тоже не было, «хотя бы вздыхала немного». Мама, кстати, была счастлива, что появилась Катерина.

– Хоть раз в жизни ты нашла с кем общаться, – коротко высказалась она. – Горе ты луковое.

– Мам, а ты меня любишь? – поинтересовалась зачем-то я.

– Любила б, если бы ты хоть немножко на человека была похожа. Ну ничего, может, хоть Катя на тебя повлияет.

– А папу любишь?

– Иди ты, – отрезала она. И пояснила популярно, куда именно мне следует идти. Я же пошла к Катерине. Она усаживала меня в своей семиметровой комнате, брала в руки карандаш и принималась играть в учителя. Учить других она любила больше всего на свете. Она следила, чтобы я записывала все, она давала мне задания. Рассказывала смешные истории, которых почему-то у нее имелся целый миллион, а потом мы шли гулять. Никогда до этого у меня не было человека, которому на самом деле не наплевать на то, что я ничего не знаю и не умею и что я еще не обедала. Конфеты не в счет, их я ненавидела с детства, для меня они были вроде вечной манной каши, которой пичкали других детей. Меня пичкали карамелью, от которой я только поправлялась. Очень скоро Катерину я стала просто обожать. Она принимала мой страстный порыв с королевской теплотой. Все могут греться в лучах солнца, верно. И даже такие, как я.

Примерно в то же время я впервые влюбилась. В Егора, одноклассника, которому на девочек вообще еще было наплевать, а я смотрела на него и от жара растекалась влюбленной кляксой по парте. Всем на это оказалось наплевать, а Катерине нет. Она рассказывала мне, что такое любовь. И что хоть я и не умею готовить, путь к сердцу мужчины лежит на самом деле совершенно через другое место. И жестами по-

казывала, через какое. И даже зарисовывала все в виде схем.

Она знала очень много, особенно для отличницы. Мы могли разговаривать с ней часами, могли заниматься уроками (что я лично считала глупым, но терпела от большой любви), могли покуривать за углом «стекляшки» (этому уже я учила ее, но она ни черта не могла затянуться, только кашляла и смеялась, называя это все «дурыю»). И когда я сидела у себя в тринадцатой квартире, в комнатке с окошком на бульвар, где ездили рогатые троллейбусы, я дожидаться не могла, когда начнется следующий день и я снова пойду в школу вместе с Катериной, буду слушать ее объяснения по истории или литературе, которые, кстати, и вправду были значительно понятнее и яснее, чем из профессиональных педагогических уст. Да уж, кто бы мог подумать, что умница, красавица и просто комсомолка, какая-то Катерина Хватова сдружится со мной так сильно, что это изменит всю мою жизнь.

– Ты должна остаться в школе со мной. Зачем тебе ПТУ? – скомандовала она, тем самым решив всю мою судьбу. Нет, все-таки это странно, что она так всерьез взялась за меня. Учителя опешили, когда я сдала с грехом пополам экзамены: математику на тройку, сочинение тоже, а биологию и любимую Катерину географию, ко всеобщему удивлению, на четыре.

– Сундукова, кто бы мог подумать. Да тебя в ПТУ возьмут с распростертыми объятиями. Может быть, даже в медицинское училище попадешь.

– Я хочу окончить школу, – смущенно сказала я, подталкиваемая в бок Катериной.

– Так ты уже ее окончила. Поздравляем! – радостно пожала мне руку заведующая.

– Я хочу перейти в девятый, – еще тише прошептала я.

– Зачем? – искренне изумилась она. Я и сама не знала. Разве что чтобы еще два года быть всегда рядом с моей Катериной? Да, пожалуй, в тот момент это было единственное, что меня волновало.

– Если уйдет она – уйду и я, – припугнула заведующую Катерина. А поскольку других девочек с такими оценками, да к тому же играющую на пианино, в классе не было, заведующая повздыхала, да и махнула рукой. Так, без особых на то причин, Катерина изменила все. К лучшему ли? Да – нет – не знаю. Нужно подчеркнуть.

Глава вторая, *в которой я удивляю всех, даже саму себя*

*Женщина не должна таскать такие тяжести!
Разве трудно сходить в магазин дважды?
«Мужчины о любви»*

В каком-то смысле я могу сказать, что с приходом Катерины в моей жизни появилась любовь. Нет, ничего не подумайте плохого, я была, есть и останусь человеком сугубо правильной ориентации, как бы сильный пол ни вызывал желания перебежать за линию обороны. Однако в случае с Катериной... Были ли в вашей жизни настоящие друзья? Такие, что по любому поводу летишь звонить, любой радостью спешишь делиться. Дождаться не можешь следующей встречи. Согласитесь, в этой дружбе, особенно в юности, очень многое есть от любви. И кстати, я говорю не только о восторгах и радостях, не только о них, к сожалению. В дружбе, как и в любви, всегда найдется место для страданий. Не сейчас, так через пять минут, но кто-нибудь обязательно будет страдать. Это уж, как говорится, не ходи к гадалке.

К окончанию школы Катерина стала для меня буквально всем. Немаловажную роль в этом играло то, что мы не только учились вместе, за одной партой, но и жили в одном до-

ме, в одном подъезде, только на разных этажах. Было даже сложно сказать, что я жила в своей квартирке под крышей, под номером тринадцать, — я там только ночевала.

— Совсем с ума посходила, — ворчала мать. — И чего тебе у этих Хватовых, медом намазано? Хоть бы дома посидела пять минут. А вдруг мне помощь какая требуется.

— Мам, ну чего? — нетерпеливо отвечала я, переступая с ноги на ногу. Под словом «помощь» подразумевалось, что я должна сидеть и выслушивать бесконечные материны потоки жалоб на то, как папашка ей всю жизнь сломал, как была она хороша и юна, когда сгубил он ее ни за что ни про что.

— Хоть и были у меня такие перспективы! Могла бы и карьеру сделать, — любила добавлять она.

— Мам, ну какая карьера. У тебя только ПТУ и все. А сейчас столько всего надо знать для карьеры, — умничала я. — Компьютер, языки там, всякое.

— Повыросли тут! — заводилась она. — Откуда что берется. Погоди, еще сама наплачешься. Катерина-то небось всю жизнь тебя тянуть не станет.

— Она меня и не тянет, — обижалась я. Хотя доля истины в материных словах была. Учеба давалась мне тяжело, хоть я и продиралась старательно через все эти интегралы и обществознания. Кстати, даже получала неплохие оценки, хотя это все время было похоже на какой-то утешительный приз. Помню, как-то у доски, стоя перед зубодробительной задачкой по геометрии, я окончательно утопла в тангенсах и

к ответу на задачу так и не пришла. Бобик сдулся, я раскраснелась, предчувствуя конфуз, но учительница, сильно удивленная тем, что Сундукова вообще знает, что такое тангенс, сказала вдруг:

– Ставлю тебе, Диана, четыре. Потому что ты – молодец. Стараешься.

– Спасибо, Лариса Васильевна, – радостно кивнула я, хотя и знала, что при подобном же раскладе той же Катерине влепили бы трояк в лучшем случае. Потому что она «сильная», а я «стараюсь». Что ж, они были не так уж и не правы. Да, я старалась. Не для того, чтобы чему-то там научиться. Плевать на тангенсы и вообще на школу. Но не хотелось расстраивать Катерину – она считала меня чуть ли не своим индивидуальным достижением, ей нравилось меня учить, в ней в самом деле, наверное, погиб очередной Макаренко. Я на ее воспитательные моменты внимания не обращала. Мне нравилось просто ее слушать, нравился тембр ее голоса и то, как она, когда нервничает или торопится, постоянно прикусывает верхнюю губу. Мне безумно нравилось быть ее подопечной, до такой степени, что я практически все решения в своей жизни предоставила ей. И я ревновала ее даже к учителям, которые крали ее внимание у меня. Ревновала даже к ее семье, впрочем, безосновательно и глупо – по-детски. Я хотела, чтобы мы были вместе каждую минуту. И что, вы скажете, – это ли не любовь? Нет, конечно. Любовь – это другое, но то, что было между нами с Катериной, было очень

серьезно. Ее мать, Юлия Андреевна Хватова, даже какое-то время пыталась нас с Катериной разлучать, воздействовала на нее, но их отношения были настолько легки, настолько воздушны, что ничего Юлия Андреевна с Катериной поделить не могла. Катерина и из нее вила веревки. Катерина всегда была по натуре победительницей.

– Ма-ать, ты туфли будешь надевать или как? – запанибрата кричала она, стоя в прихожей с красными туфлями матери, на шпильке – сантиметров десять.

– А тебе на кой? – смеясь, высовывалась Катерина мама, Юлия Андреевна Хватова – маленькая, худенькая, очень улыбчивая женщина. – На Динку ты их не натянешь, а тебе самой ни к чему. Чего у тебя красного есть?

– Да просто примерить. С твоим жакетом, – хитро улыбалась Катерина.

– Бери – не жалко, – пожимала плечами Юлия Андреевна. С таким же пофигизмом она давала Катерине косметику, украшения, сумки и платья, которые оказывались Катерине как раз впору – в маму пошла фигурой. Катерина была хороша – хоть и не вышла ростом и доставала мне только до плеча, зато худа, изящна и подвижна, а также, что немаловажно, умела себя подать. Набралась от мамы, от Юлии Андреевны, того, что с чем носить и в какое время дня что надевать. Умела сочетать вещи, с большим, надо сказать, вкусом. Я иногда просто поражалась, как ей в голову пришло надеть, к примеру, синее платье и белоснежный шарф – но смотрелось это

вместе просто сногсшибательно. В то время как раз появилась возможность выбирать – перестройка и всякая прочая гласность сопровождались рефлекторным выбросом на рынки страны низкопробного синтетического барахла. В ассортименте. Но Катерина умела из любого говна, как говорится у нас в народе, сделать конфетку.

В Катеринином доме ко мне быстро привыкли. Через какое-то время все уже относились ко мне как к привычному предмету интерьера. Славянский шкаф, что-то вроде того. Юлия Андреевна меня подкармливала, отец их, Дмитрий Анатольевич, хоть и смотрел на нашу дружбу с некоторым осуждением, главным образом из-за страха плохого моего на Катерину влияния, но молчал. Они оба, мать и отец Хватовы, были сторонниками воспитания демократического, с доверием, уважением, вниманием и прочими новомодными глупостями, суть которых сводилась к одному: Катерина могла делать и творить все, что ей только вздумается. Как и я. Только я обладала такой свободой по другой причине – на меня было начхать.

По вечерам, когда в силу естественных причин я все-таки была вынуждена с Катериной расставаться, я сидела в своей комнатке с окошком на «стекляшку», тихо курила свистнутые у матери сигареты и думала о чем-то неуловимом, но главным образом о том, как же нам повезло. Мы встретили друг друга. Мы понимаем друг друга. И нам уже не так одиноко в этом большом мире, полном разбитых сердец и сдан-

ной на переработку стеклянной посуды. Да, Катерина стала для меня всем. И тем хуже, что она совсем не одобрила мужчины, которого я полюбила.

Случилось это на первом курсе института. Да-да, вы не ослышались, это действительно произошло, хоть и не должно было произойти. Земля перевернулась, моря обратились вспять, и я, Динка Сундукова, оторва, которую столько раз ловили у школы с сигаретой в зубах, с которой детям запрещали дружить, – я поступила в институт. Известие это потрясло всю местную общественность. Да что там, это потрясло даже саму меня. Мой папашка был ошарашен самим фактом, что у его дочери, которую все привыкли считать потерянной для общества и прочей социально активной жизни и уже готовы были принять в свои плотные ряды сдающих поутру стеклотару около «стекляшки», оказались какие-никакие мозги.

– И кто же ты теперь будешь? – поинтересовалась мать, все еще с недоверием пробуя эту новость на вкус. Мы сидели на нашей микроскопической кухне, распивая кто чай, а кто и не чай в честь моего фантастического прорыва в будущее.

– Буду маркетологом, – гордо ответила я.

– А это кто? – несколько опешила мама. Для нее профессией являлось то, что входило в перечень профессий советского отдела кадров. Повар, доктор, космонавт. Что-то из этой категории. А маркетолог – это... атрибут нового пога-

ного времени и этой новой власти, вечно задерживающей по полгода зарплату, и вообще. Зачем нужны эти маркетологи?

– Это... ну... такой специалист, который... – замямлила я, с трудом подбирая слова.

– То есть ты поступила в институт, чтобы стать кем-то, о ком ты сама не имеешь никакого представления? – ухмыльнулась мама. Мысль эта, похоже, ее развеселила. – Как это на тебя похоже. Ты хоть бы что-то решала сама. Или у тебя вместо головы дырка? Вань, послушай, а?

– Мам, прекрати, – разозлилась я, но мама уже ушла с кухни, бросив недоеденную баранку. К папе.

– Ва-ань. Она сама не знает, кем будет. Нет, ты представляешь? Вот в наше время таких профессий-то не было, да? Чтобы вообще не разберешь, что за ерунда. Вань, да ты где? – только и слышала я. – Нет, в самом деле, стоило ли и в институт-то такой поступать!

– Эх, мама, мама, – вздохнула я. Тема моего «наплевательского» отношения к своему будущему еще долго обсуждалась между родителями, а также с бабушкой, папиной мамой, с которой мама на эту тему самозабвенно и до драки спорила все лето. Как только выдержал телефон, как не взорвался. Да ладно, он привычный. А я лично не считала вопрос с профессией такой уж большой проблемой. Институт, в который мы каким-то неведомым образом обе поступили, был расположен не так уж далеко, до него можно доехать на троллейбусе № 6, только ехать надо чуть ли не от конца в

конец. Но согласитесь, это удобно – всего один троллейбус. Кроме того, там оказался не слишком высокий проходной балл – вуз не был престижным, даром что университет. Сейчас куда ни плюнь – попадешь в университет. Зато конкурса почти не было. Это все выясняла Катерина, а я только ходила за ней, как корова на веревке, и держала бумаги.

– А маркетинг, Дин, – за ним будущее, – успокоила меня она. – Сейчас никто еще ничего не понимает, но потом все на свете будут решать маркетологи.

– Здорово! – кивала я с готовностью.

– Зато сдавать только математику и русский.

– И обществознание.

– Любая дура может сдать обществознание, – фыркнула Катерина. И она оказалась права. Экзамены начались и закончились так, что любая дура (то есть я) даже не успела заволноваться. Видимо, у Катерины действительно была легкая рука – мы перевалили за проходной балл и кто с гордостью, а кто с удивлением увидели свои имена в списках зачисленных на первый курс. Честно говоря, для меня единственное, что имело значение, – это чтобы остаться вместе с Катериной. Быть кем угодно, да хоть президентом державы, но без нее – это не имело никакого смысла. В конце концов, до нее я вообще не помышляла об институте. Медицинское училище и жених из очереди в «стекляшке» – вот то будущее, от которого она меня избавила. Какая разница, к свиньям, чем занимаются маркетологи. Уж, наверное, за пять

лет обучения разберусь, что к чему.

Так что пока мама в другой комнате со вкусом и смаком обсуждала меня (папа при этом что-то бубнил, я не слышала, что именно, но он явно спорил с мамой, а маму его мнение явно не устраивало), я окинула взором поляну – на микроскопическом кухонном столе, фактически являющемся не столом, а только прибитой к стене доской, стояла недопитая бутылка «Березовой». Я подумала, налила стопку, выпила ее залпом, оглянулась на дверь в коридор – никто не собирался меня ловить. Тогда я захватила с собой всю бутылку и ушла. К Катерине. И мы вдвоем отпраздновали наше поступление, сидя на набережной и употребляя «Березовую» резкими, мелкими, неуверенными глотками – зажмуриваясь и охая. А потом еще долго-долго гуляли, ожидая, когда к нему вернется четкость движений, а также выветрится запах. «Березовой» оказалось с гулькин нос, мы не столько запьянели, сколько развеселились. Строили глазки прохожим, распевали какие-то песни – в общем, было нам хорошо, и думали мы тогда, что перед нами лежит весь мир. И что дальше все будет еще лучше. Что ж, остается сказать только одно: боже, как мы ошибались.

Первого сентября мы прибыли на место получения новых, вкусных и питательных знаний о торговле, товарах, спросе, предложении и прочей дребедени. А десятого октября я встретила ЕГО. И все, что было со мной до этого, постепенно утратило всякий смысл. Кроме Катерины, естественно. Но

даже и она как-то отступила на второй план и растворилась, что, как мне думается, очень сильно ее задевало. Ведь я была столько лет ее полноправной и безраздельной собственностью. Она привыкла владеть мной, пользоваться и распоряжаться, но я забыла обо всем на свете, после того как встретила ЕГО. И это объяснимо, ведь со мной случилась Большая Любовь. Случалась ли с вами в жизни Большая Любовь? Уверена, что в этом месте любая остановится и задумчиво кивнет. И тут же погрузится в раздумья. Лицо ее затуманится воспоминаниями, по нему пробежит тень сомнений и появится отпечаток пережитого. Большая Любовь никогда не проходит бесследно. Она способна поднимать в небеса, она же способна разбить тебя об асфальт. Моя большая любовь в лице Сергея Сосновского была способна и на то и на другое.

Мы познакомились в магазине. Да, мне хотелось бы рассказать какую-нибудь более трепетную и романтическую историю, например, о том, как я тонула в заливе канала имени Москвы, а он спас меня, а потом сделал искусственное дыхание. Рот в рот, естественно. Или как он выводил детишек из горящего детского сада, а тот обрушился, и я, задыхаясь от гари, черная, вся в копоти, вытащила его оттуда, как медсестра солдата с поля боя. И сделала ему искусственное дыхание – рот в рот, естественно. Но нет – все произошло совсем не так. Катерины в тот день со мной не было, она заболела и сидела дома, чихала, сморкалась в бесконечные носовые платочки и смотрела по телевизору все подряд. Мне

к ней заходить запретила во избежание распространения заразы, хоть моя мама и считала, что зараза к заразе не пристаёт. В общем, я осталась одна и зашла в небольшой магазинчик около нашего университета (прости, господи, за пафос), чтобы купить себе пачку «Русского стиля», который тогда курила. Магазин оказался набит народом доверху, время было такое – все спешили прикупить пельменей и сигарет на ужин, так что я отстояла длинную очередь в единственную работающую кассу и уже изготовилась произвести оплату, когда в магазин влетел ОН – лет тридцати, взрослый мужчина, высокий, широкоплечий товарищ в светлых джинсах, огромной светлой спортивной кофте с длинными рукавами и в бейсболке, немного похожий почему-то на иностранца. Из-за нерусских надписей на кофте, наверное. Он очень спешил и, продравшись через всю очередь, обратился сразу непосредственно ко мне.

– Простите, милая девушка, на коленях молю! – произнес он веселым голосом, а в голубых глазах заплясали его фирменные смешинки. – А не пропустите ли одинокого мужчину оплатить мобильный телефон?

– Что? – растерялась я, не привыкшая к такого рода обращениям.

– Девушка, милая, буквально вопрос жизни и смерти. Разъединили важный разговор из-за задолженности на счету. Неужели же не войдете в положение? – насел на меня он и, естественно, тут же получил желаемое, то есть я пропу-

стила его перед собой, несмотря на то что вся очередь возмущенно шикала и протестовала.

– Это же буквально минута, – виновато оправдывалась я, пока ОН, еще мне незнакомый, называл кассирше цифры.

– Нет, какие все наглые пошли! – шипели мне в спину, а ОН оплатил телефон, купив дополнительно пачку жвачки, шоколадку и (ой!) презервативы, ушел, даже не обратив внимания на весь этот начавшийся из-за него гул. Я, признаться, до этого никогда в жизни не видела, чтобы кто-то покупал вот так спокойно и открыто презервативы. Мне даже само слово это казалось неудобным. А тут вот так просто, заодно с оплатой телефона: шоколадка, жвачка – и ОНИ. Я покраснела так, что стала по цвету как туфли Катериной мамы. Хорошо, что никого больше это не волновало.

– Вы все? – толкнула меня под локоть баба, которую больше всего возмутила моя неустойчивость по отношению «ко всяким хамам». По ее мнению, я должна была костями лечь, но не пропускать в очередь этого субчика.

– Все, – кивнула я и вылетела из магазина. На остановке я отдышалась, перекурила и успокоилась, постаравшись выкинуть все из головы. В конце концов, с кем не бывает. И тут заметила, что вышеупомянутый субчик стоит недалеко от остановки, только на другой стороне дороги, рядом с красивой серой машиной, и с кем-то оживленно, если не сказать неистово, разговаривает. Конечно, я ничего не слышала, да и не могла бы из-за шума машин, но он так отчаянно махал ру-

ками, жестикулировал, крутился на месте, а под конец ударил кулаком по крыше своей «серой» – что я аж вздрогнула. Да, разговор был не из приятных. А он почему-то в этот момент почувствовал мой взгляд, повернулся в мою сторону и несколько секунд смотрел прямо мне в глаза. Потом что-то крикнул, сел в машину, громко хлопнул дверцей и резко разогнался, явно вдавив педаль в пол.

У кого-то неудачный денек, подумала я и прикурила сигарету. Троллейбус, который был мне нужен, ходил ужасно редко. Просто в час по чайной ложке. Как папина рябиновая самогонка. Иногда за время, что я там торчала, я успевала выкурить и по три сигареты. Уже тогда я курила ужасно много.

– Девушка, а вас подвезти? – вдруг раздалось рядом. Я вздрогнула, повернулась и увидела серебристую машину с открытым окном, из которого, перегнувшись, смотрел на меня ОН.

– Что? Зачем? – глупо испугалась я.

– Да просто так. Вы ведь пропустили меня без очереди. Вот я и подумал – что вы будете стоять тут, на этой остановке? Разве это порядочно, после всего того, что вы для меня сделали? – он улыбался и говорил шутливо, он умел делать это мастерски и всегда в считанные секунды располагал к себе людей.

– Даже не знаю, – растерянно пробормотала я, но он только открыл дверь и махнул рукой.

– Давайте садитесь. Предложение однократное, действует только в эту минуту.

– Ладно. Только мне далеко, – согласилась я.

– А у меня есть целая куча свободного времени, – заверил меня он, трогаясь с места. Так мы с ним и познакомились. – Тебя как зовут? – спросил он, перейдя на «ты» после пары светофоров.

– Дина. То есть Диана.

– Очень приятно, Диана. А я – Сергей.

– Мне тоже приятно, – пропищала я, глупо краснея, потому что краем глаза увидела, что на заднем сиденье машины валяется свежкупленная пачка презервативов. Кажется, клубничный аромат. А он перехватил мой взгляд, усмехнулся и прибавил скорость. Так вот я и познакомилась с Сергеем Сосновским. Эх, не учила меня мама не садиться в машину к незнакомцам.

Глава третья, *где я встаю перед мучительным выбором*

– Ты никогда не говоришь мне комплиментов.

– Но ведь я же зову тебя пончиком!

«Мужчины о любви»

Еще на первом курсе, хотя в целом он был посвящен общечеловеческим ценностям и предметам, я все-таки разобралась, что за профессию выбрала. Если, конечно, можно сказать, что я ее выбирала. Если отбросить все тонкости, выкинуть профессиональные термины, графики, кривые и аналитические сводки, то в сухом остатке останется то, что маркетинг – это искусство вычислять, какой товар пипл съедает с наибольшей готовностью в конкретный момент времени и пространства, а также (и это главное) чем именно надо на пипл воздействовать, чтобы он хавал товар резче, лучше и бодрее. Маркетологи были вооружены психологией, статистикой, рекламными технологиями, аналитикой, фокус-группами и еще фиг его знает чем, и все это работало только для того, чтобы всучить народонаселению очередную «новинку». Целые полки маркетологов ходили на совещания, исследовали психологию «потребителя», выискивали слабые места, не гнушаясь при этом ничем, в рамках доз-

воленного, конечно. Оказалось, для того чтобы мой папашка пришел в магазин и спокойно купил бутылку «Березовой», к примеру, до этого целая группа «наших» исследовала, как именно должна выглядеть бутылка, пробка и особенно этикетка, чтобы привлечь к себе «целевую аудиторию» – алкашей у «стекляшки». Вопросы ценообразования изучались особенно тщательно, проводились сравнительные анализы доходов алкашей-грузчиков и алкашей-безработных, выяснялась покупательская способность и тех и других. Выяснялись и анализировались предпочтительные сети продаж. К примеру, продвигать «Березовую» в супермаркетах элитного класса было бесполезно, ибо представители целевой группы, как правило, еле держащиеся на ногах, в такие места не ходили. Мой папашка даже мимо витрин таких магазинов проходил с волнением. На мой вопрос:

– А чего ты, папа, так стремишься? – он отвечал тихо, но твердо:

– Тут ежели эту красотищу хоть даже и запачкать – долги на всю жизнь. Нет уж, лучше десятой дорогой, – иными словами, папашка мой четко «позиционировал» ареал продаж как ларьки на вокзалах, торгующие из-под полы, без чеков и прочих глупостей, в том числе в запрещенное время, а также «стекляшка», а еще, может быть, палатка около метро. После всех проведенных исследований и расчетов на рынке появлялась бутылка «Березовой» стоимостью, скажем, сто двадцать рублей, что по силам даже лицам без определенно-

го места жительства, особенно если на троих. И появляется «Березовая» в розничных сетях соответствующего уровня. И торговля идет бойко и успешно, на радость отечественному производителю – все благодаря только нам, маркетологам.

– Маркетинг – это сила, – сказала я, когда окончательно врубилась, что это за наука. Оказалось, что она применима не только к товарам или, вернее, товаром может быть не только товар, но и человеческая жизнь. Когда я встретила Сергея Сосновского, самым главным для меня вопросом стало, как продвинуть отдельную, не слишком выдающуюся в смысле внешней упаковки личность в руки самого желанного потребителя.

– Зачем он тебе сдался? – кашляла в телефон Катерина, слушая мои вопли о том, что я встретила мужчину, за которым и в огонь, и в воду, и в медные трубы.

– Я не знаю. Что ты имеешь в виду? А вдруг это любовь? – глупо причитала я, злясь, что нельзя пойти и поговорить с Катериной лично.

– Любовь? О, я тебя умоляю. Это же просто смешно!

– Почему? – оторопела я. – Я чувствую, что это совсем другое. Не то, что было раньше.

– С чего бы такое понимание? – удивилась Катерина. – Ты видела его всего пару часов. Разве можно что-то за это время понять?

– Можно, – уверенно ответила я. И была права, хоть и отчасти. Сергей Сосновский – это действительно оказалось

другое. Уж не знаю, какая муха его укусила в тот день, почему он решил познакомиться со мной. Потому что, действительно, дело совсем не в том, что он вдруг решил меня подвезти. Тимур, понимаешь, без команды. Нет, Сергей никогда не делал добрых дел без особых на то причин. Так что сложно сказать, по какой именно причине он тогда ко мне подошел.

– А почему бы ему к тебе и не подойти, в самом деле? – обиделась за меня Катерина.

– Ты просто его не видела, – пояснила я. – Он совершенно невозможный.

– Что, три ноги у него? – хихикнула она.

– Он, как бы тебе сказать... из другого мира. У него машина. Серая, длинная. «Субару». Он красивый. Похож на киноактера этого... из «Ликвидации». Машков. Ну, не совсем похож, но что-то в этом духе. А ты бы видела его улыбку!

– Нет, ну как можно так свихнуться за столь короткое время? – возмутилась Катерина. – Стоило мне только заболеть! Ладно, может быть, он еще и не позвонит.

– Это да, – уныло подтвердила я. – А даже если и позвонит? Что мне ему предложить? Такие, как он, – они могут получить любую девушку.

– И ты уверена, что тебе нужен именно такой? – уточнила Катерина. Она всегда отличалась умом, прагматичностью и уверенностью в себе. Всем тем, чего так сильно недоставало мне. Особенно красоты. Потому что где-то в глубине души я

понимала, что на этом рынке человеческих взаимоотношений красивая тара – это самое главное. Дойдет ли дело до моей прекрасной души – бабка надвое сказала, а чтобы понравиться Сергею, и я это понимала, надо совсем другое. И потом, о прекрасной душе: с чего бы мне ею обладать. Дочь своих родителей, жительница тринадцатой квартиры, вылезшая из ПТУ только благодаря Катерининому упорству и теории вероятности Эйнштейна (в смысле, что совершенно случайно поступила в университет), – я вдруг как никогда остро ощутила, насколько я пуста и бесперспективна в любом смысле этого слова. Это был, кажется, первый момент в моей жизни, когда я вдруг пожелала себе другой судьбы. Другого детства, другой семьи, другого будущего. Другого отражения в зеркале. Вот если бы я была любимой дочерью каких-нибудь инженеров! Если бы не было так мучительно стыдно отвечать на вопрос: а кто твои родители, деточка? Если бы мне не было мучительно стыдно... Да, мне было стыдно за свою семью. Что, если он, Сергей, все-таки позвонит? Что, если мы начнем встречаться, будем вместе – как я приглашу его домой? Как познакомлю с родителями, если не уверена, что папа сможет удержаться на ногах, а мама не начнет материться и не поднимет на смех меня и моего... так, я совсем замечталась.

– Кать, я не знаю. Кать, мне кажется, по-любому, такому, как он, я не нужна, – ответила я и заревела.

– Нет, ну это ни в какие ворота не лезет, – прокашляла

она, и через десять минут, несмотря на страшное возмущение ее мамы (если бы моя мама была хотя бы как у нее!), Катерина сидела на моей кухне, завернутая в шарф, и успокаивала меня, как могла.

– Почему мне так не везет? – рыдала я, утираясь руками. Платка как-то рядом не оказалось.

– Да все с тобой нормально, – качала головой Катерина, постоянно прикладываясь к огромной чашке чая. – И он будет просто дурак, если этого не поймет. А раз так – мы найдем другого.

– Мы целовались! – призналась я сквозь рев и затряслась еще больше.

– Что? – ахнула она и закашлялась. – Но вы же только что познакомились. Нет, это что за глупость?

– Он такой... я не успела оглянуться! – оправдывалась я. – Мы сидели в машине, разговаривали. Он что-то рассказывал мне о... о... я даже не помню, о чем. Он спросил, сколько мне лет. Я сказала – восемнадцать. Почти девятнадцать.

– Но тебе же только что восемнадцать исполнилось, дорогая! – ухмыльнулась Катерина, но я не стала обращать внимания. Не это главное.

– А он засмеялся и меня поцеловал. А потом спросил, зачем я курю. Господи, я такая дура, – призналась я, уронив лицо в ладони. Катерина с минуту сидела, глядя на меня в растерянности.

– Целовалась?

– Да.

– Надеюсь, в щечку, на прощание?

– Нет, не в щечку.

– Да у кого я спрашиваю! – всплеснула руками она. – Достаточно посмотреть на твою морду лица, на твои губы – и все понятно. Нет, ну вообще. Да, ты дура. Я даже не буду пытаться с этим спорить. Целоваться с совершенно незнакомым парнем! Сколько ему лет?

– Мне кажется... лет двадцать пять, – соврала я.

– Это еще куда ни шло.

– Или тридцать, – продолжила я. Катерина прикусила губу и задумалась.

– А вдруг он – маньяк?

– Но он же довез меня до дома! – напомнила я.

– Кошмар. Теперь он знает, где ты живешь!

– Он не маньяк, – замотала головой я. – И... он не позволит.

– И хорошо!

– Плохо! – упиралась я.

– Нет, хорошо. Это все – какой-то бред. Не могла ты влюбиться с одного поцелуя. Это – не любовь, – «успокоила» меня она. До самого вечера мы торчали у меня дома, я уложила ее на свою постель, бегала вокруг нее, даже сварила бульон, правда, не из курицы, а из кубика, так что, в строгом смысле слова, это бульоном считаться не могло, но она его пила. А потом заснула, потому что у нее, к слову сказать, температу-

ра была высоченная. Пришла моя мать, от бабушки, папиной мамы, за которой надо было ухаживать, несмотря на то что обе они друг друга терпеть не могли. Однако бабушка была стара, а мама хотела, чтобы квартира, как она выражалась, «не пропала».

– Знаю я эту старую калошу – отпишет квартиру на приют для бездомных крокодильчиков – и доказывай потом. Лучше уж я за ней пригляжу! – говорила она. Мама вообще много чего говорила, отчего у меня волосы вставали дыбом. Вернее, начали вставать теперь, когда я впервые в жизни посмотрела на нее совершенно другими глазами. Усталая, седая женщина с немного отекившим, злым лицом, одетая в старые и очень заношенные вещи, но, кажется, даже не замечающая этого. Я вздрогнула – никогда раньше мне не приходило в голову, что мама в этом вот прожила всю жизнь: в этой маленькой, захламленной, вечно неубранной квартире, с этим мужчиной – моим папой, пьяницей, сидельцем у подъезда. Работа на фабрике за копейки, скандалы, усталость и болезни, теперь уже все чаще дающие о себе знать. Зачем это все? Зачем вообще нужна такая жизнь? Я почувствовала, как от ужаса меня окатило холодом, руки покрылись мурашками, хотя в квартире тепло и даже жарко.

– Что вы тут устроили? – заверещала она, войдя на кухню. – Полная раковина посуды! У тебя что, мать в прислугах ходит?

– Мам, тише, – миролюбиво попросила я. – Катерина

спит.

– Господи, ты ее что, уже у нас поселила? Конечно, она для тебя дороже матери!

– Мам, не кричи.

– А я у себя дома! Хочу и кричу! – фыркнула она, разгружая пакет с хлебом и какой-то крупой.

– Да помою я посуду сейчас, – возмутилась я. Неужели это имеет какое-то значение?

– Вырастила на свою голову! Кричи, кричи на мать! Все вы из меня только кровь пьете, – зло бросила она мне, а я только выскочила из кухни, потому что вдруг почувствовала, что если мы еще хоть минуту пробудем вместе, я завизжу. И, конечно, Катерина проснулась, я проводила ее домой, пообещав не реветь и выбросить все из головы.

– Особенно этого твоего... ладно?

– Ладно, я попробую, – кивнула я, а сама пошла гулять – бродить по району, куда глаза глядят. Жизнь показалась совершенно, абсолютно невыносимой. И вот тут, именно в тот момент, когда я почувствовала себя самым ничтожным, самым обделенным существом на свете, он мне и позвонил. Мобильника у меня тогда не было, странно было бы даже предположить, что мать могла бы мне его купить, поэтому позвонил он мне домой. Трубку (о ужас!) взяла мать, и когда я вернулась, уже в темноте, вечером, полная вкусной тоски по лучшему будущему и жалеющая себя на все лады, она сказала:

– Тебе тут звонили.

– Кто? – обмерла я. Мать смотрела на меня напряженно, удивленно и как-то затравленно.

– Какой-то мужик.

– Да? И что он сказал? – стараясь не выдать волнения, спросила я. На самом деле я дрожала, как желе на столике едущего во Владивосток поезда.

– Он сказал, что... – помедлила мать. – Послушай, а кто это такой вообще – Сергей?

– Мам, это мой знакомый. Что он сказал?

– Этому Сергею, судя по голосу, лет тридцать, не меньше. Какой, к черту, знакомый! Ты что творишь? Ты не понимаешь, что вам с ним не о чем говорить? Может, хоть расскажешь матери, что за хрень у тебя в жизни происходит?

– Что ты ему сказала? – окончательно перепугалась я. И уж точно рассказывать ей ничего не собиралась. Катерине – да, а ей – этого мне бы и в голову не пришло. Что она поймет, чем она мне поможет? Только тем, что наорет и опозорит?

– Знаешь, я уверена, что это не дело, – покачала головой она и нахмурилась.

– Нет, но вот почему ты лезешь в мою жизнь? Я уже взрослая и могу встречаться с кем хочу, – запротестовала я. Какая разница, кто мне звонит! Какая разница, сколько ему лет!

– Встречаться? – вытаращилась на меня мать. – Вот, значит, как это теперь называется?! И что, не нашлось кого-нибудь нормального, в институте хоть? Что у тебя может быть

общего с этим мужиком? Ты с ним спала? Признавайся!

– Это мое дело! – взвизгнула я, побелев от ярости и стыда. Дело в том, что как-то так получилось, что на самом деле я вообще еще ни с кем никогда не спала. И это был отдельный и весьма мучительный для меня вопрос. Я точно не хотела бы это ни с кем обсуждать, особенно с матерью. Особенно с моей.

– Какая ты стала... деловая! – зло рассмеялась она.

– Что он сказал?

– Побежишь к нему? – хмыкнула мать, отступив. Видимо, видок у меня был весьма исчерпывающий. – Поманит – а ты и побежишь!

– И побегу, – кивнула я.

– На, держи, – вздохнула она, протянув какую-то бумажку. – Беги звони. Только потом не жалуйся.

– И не подумаю, – ответила я, схватив номер телефона. Все мое недавнее настроение, вся вселенская печаль и жалость к себе, бедняжке, испарились в один миг, когда я набрала его номер.

– Сергей? Это Диана.

– О, Динка, привет. А я тебе позвонил, но там какая-то женщина сказала, что тебя нет. Ты где по ночам бродишь? Я, может, ревную! – веселым голосом поддел меня он, а я таяла, таяла от одного звука его голоса. Он был совершенно особенным на фоне всех, кого я знала до этого – мальчишек, с которыми мы целовались на лавочке на детской площадке

за пунктом приема стеклотары. Да, он был взрослым и обладал тем, что называется харизмой. Что-то такое в голосе и в глубине голубых глаз сразу и навсегда располагало к нему.

– Это была моя мама.

– Слушай, а у тебя мобильного нет? – поинтересовался он.

– Нет, но я обязательно куплю, а пока, хочешь, я сама буду тебе звонить? – предложила я. И про себя подумала, что теперь это совершенно необходимо. И что надо как-то извернуться, но сделать так, чтобы мама никогда больше не разговаривала с ним.

– Ладно, – согласился он. – А что ты там подделываешь?

– Ничего. Завтра в институт.

– Какая ты все-таки примерная девочка. Учишься на пятерки? – рассмеялся он. Если бы я не была так влюблена, я бы расслышала в его голосе нотки, столь мне знакомые. Сергей был немного навеселе, что называется. Совсем чуть-чуть. Но я так боялась спугнуть свою неожиданную удачу, что не замечала ничего.

– Ничего я не примерная.

– Да? Плохая девчонка? – игриво добавил он. – А хочешь, поедем кататься?

– Сейчас? – испугалась я. Представляю, что скажет мама, какими глазами она будет на меня смотреть, если я вот так уйду гулять в ночь! Неизвестно с кем. Или теперь уже известно.

– Ах да, тебя, наверное, мама не пустит. А хочешь, я тебя завтра из института встречу? – предложил он.

– Очень. А ты правда сможешь? – замерла от восторга я. Неужели? Неужели он что-то во мне нашел? Что же? Может, у меня красивые глаза? Уже договорившись встретиться завтра на нашей (!) остановке (теперь у нас была *наша* остановка), я прошмыгнула в ванную, старательно проследив, чтобы не встретиться в коридоре с матерью, и долго стояла перед маленьким зеркалом над раковиной, рассматривая себя. Воодушевленная происшедшими чудесами, я в итоге решила, что я даже симпатичная. И вообще – совсем даже «ничего». Раз понравилась ЕМУ! И он хочет встретить меня из института!

Вот так в моей жизни появился еще один человек, ради которого я бы не задумываясь бросилась в огонь. Катерина и Сергей – самые главные люди в моей жизни, но между собой они, к сожалению, не ладили. Возможно, каждый искал во мне что-то, что может принадлежать только одному, целиком и безраздельно. И делиться этим друг с другом они не хотели.

Глава четвертая, в которой я не слишком- то уважаю саму себя

*Дорогая, тебе было хорошо? Да?
Тогда поезжай домой на трамвае.
«Мужчины о любви»*

Это только кажется, что любить — что-то такое приятное или даже вообще счастье. Про счастье ничего не знаю, только моя любовь никакого особенного счастья мне никак не принесла. Только кучу проблем. И еще большую кучу страхов. И уж совсем большую кучу мучений. Что, если он не позвонит? Что, если позвонит и снова напорется на мою мамочку, которая уж не преминет сказать какую-нибудь гадость? Или не сказать, но хмыкнуть. Знаете, можно же ведь так хмыкнуть, что человек почувствует себя последней скотиной. А что, если он приедет за мной на своей прекрасной машине, а у меня опять прыщ на подбородке с перепелиное яйцо, а Катерины нет, и, значит, тональника тоже нет. А если даже Катерина и есть, и даже вместе с тональником, но она посмотрит на меня так, что я сразу пойму, как я не права, что вот так вот бегу по первому зову какого-то придурка, от которого никакой пользы и который явно меня не уважает.

— Почему, ну почему ты так решила? — обижалась я, хотя

и слепой бы увидел, что Катерина совершенно права.

– Он то тебе неделю не звонит, то вдруг звонит в десять вечера, и ты несешься к нему. А если бы он тебя уважал, то заранее бы предупредил и пораньше. Почему это приличная девушка должна ходить на свидания так поздно?

– Катерина, но он же работает! – вступалась я.

– До десяти? – хмыкала она. – И неделями? И потом, он высадил тебя на Народном Ополчении, а оттуда ты шла пешком. Сама говорила, что тебя чуть не ограбили.

– Ну, я преувеличила опасность, – отмазывалась я, хотя, действительно, и такое случалось. Сергей был в тот день совсем хмур, невесел и головушку повесил. Зачем он меня вообще позвал гулять – непонятно. Мы долго целовались в его машине, но как-то без толку. Он явно думал о чем-то о своем, периодически звонил кому-то, выходя из машины и уходя достаточно далеко, чтобы я не слышала. А потом вдруг, после одного такого разговора, вернулся и сказал, что ему пора, его срочно вызвали. И нужно спешить до такой степени, что он не успевает завезти меня домой.

– Ты не обидишься? – спросил он и провел пальцем по моим волосам.

– Нет, конечно. Что ты! – как полная идиотка заверила я, а потом скакала через квартал по темени. Время было – двенадцать, погода – тоже двенадцать, только с минусом. Я на каблуках. Самое омерзительное, что, когда я вернулась домой, мама не спала, сидела на табуретке в кухне, курила

и ждала меня.

– Ты понимаешь, что это просто бесстыдство? – спросила она, затушив бычок в полной пепельнице. В раковине валялись кастрюля и несколько тарелок, стоял невыносимо кислый дух переваренных щей. Хотелось сбежать, только вот было некуда.

– Мама, я уже взрослая.

– Я знаю. И ты уже могла бы мне помочь. Чтобы я хоть как-то выдохнула, – покачала головой она.

– Сколько тебя помню, ты все время выдыхаешь. Может, тебе надо для разнообразия уже хоть раз вдохнуть? – усмехнулась я.

– Смейся-смейся. Жизнь все расставит на места. А только ты бы бросала этого Сергея. Он тебе не пара.

– Ты хочешь сказать, что мне пара кто-то попроще? – обиделась я. – Такой, как вроде нашего Аркашки? Или как папа? Ты это хочешь сказать?

– Ты дурочка еще. Я же тебе добра желаю. Ты не представляешь, как с такими вот, как этот Сергей, жить-то потом!

– А что с ним не так? – упорствовала я.

– Да все с ним не так. И что на десять лет тебя старше, и что вот считает нормальным тебя к полуночи домой приводить. И что не показался на глаза родителям. Серьезные ли у него намерения?

– Мама, о чем ты? Какие намерения?

– То есть у вас просто так, – устало махнула на меня рукой

мама. – Все сейчас у всех так просто, уму непостижимо. Ты хоть не забеременей, ладно? Мне с внуками сидеть некогда. Я и так даже и выдох... – мама столкнулась с моим взглядом и оборвала привычное слово. – Ладно, только ведь не любит он тебя.

– Что вы все мне в душу лезете! Я люблю его – этого разве мало? – возмутилась я.

– То-то я и вижу, что любишь. Глупость какая-то, тебе жить еще и жить. Институт кончи, таких потом будет – миллион.

– Мне не нужен миллион, – упрямо помотала головой я. – Мне нужен только он.

– Ну, как знаешь, – вздохнула она. – А у бабушки опять давление подскочило. Завтра к ней пойду, буду там. Ты тут сама еду разогрей.

– Ладно, – кивнула я и пошла спать. Не так это просто было – заснуть после такого вот разговора. Если бы я только могла! Вот так, как мама, да и Катерина тоже – в один голос. Брось его, подумай о будущем... В тот момент я только и могла думать о нем, о том, как он прекрасен, пусть даже и не красив в классическом смысле этого слова, зато весел, остроумен, умен, обаятелен и уверен в себе. И во всем разбирается, все знает, все умеет и вообще живет какой-то совершенно другой жизнью, не такой, какой жила и буду жить я. И вроде бы рядом, ан нет – как в параллельной реальности. Я знала, что живет он где-то на «Речном вокзале», в районе

Ляпидевского, в высокой квадратной башне с серыми балконами. Как-то, проезжая мимо, он махнул рукой и сказал: я здесь живу, ты знала?

– Нет, не знала, – ахнула я, пытаюсь хоть что-то разглядеть в заднее окно, пока машина быстро отдалялась. Конечно, мне было интересно все, что касается его жизни, о которой он мне не так много рассказывал. Скорее, приходилось догадываться по обрывкам фраз. Я знала, что он, кажется, хотел быть врачом, но потом решил заняться бизнесом. По всей видимости, довольно успешно. Еще я поняла по разговорам, что живет он с мамой, которая все время ему звонит и звонки которой он частенько сбрасывает. Еще (хоть это и больно для меня) я поняла, что до меня у него была другая девушка, с которой он как-то нехорошо расстался. Один раз, думая, что я ничего не слышу, он довольно громко сказал кому-то:

– Настя – это кончено. И пусть теперь локти кусает – мне все равно. Я даже знать не желаю, как она там живет. Это все в прошлом, так и передай. Скажи, у меня теперь другая!

– Другая – это я, – пробормотала тогда я себе под нос и улыбнулась. Любая ниточка, которая связывала нас, как бы ни была слаба и надуманна, мною отыскивалась и вытаскивалась на свет. Я знала немного, но достаточно, чтобы понять, что до меня он жил какой-то сложной, полной событий жизнью. А вот я до него словно бы и не жила. Как будто родилась на свет в возрасте восемнадцати лет, на Беломорской

улице, стоя в очереди в кассу. И как теперь обойтись без него – не представляла и близко. Пока его нет рядом, я не жила, я существовала. Ходила на лекции, переписывала какую-то ересь с доски, заучивала ее наизусть, а сама ждала, ждала, ждала... Училась я неплохо, главным образом потому, что однажды он, Сергей, сказал:

– Люблю умных и красивых женщин. И ненавижу тех, кто хочет всю жизнь просидеть на диване.

– Я тоже, – кивнула я с готовностью и тут же решила учиться на одни пятерки. Никому и никогда не удавалось так замотивировать меня на учебу. Даже Катерине.

– Хоть какая-то от него польза. Может, ты и вправду станешь маркетологом, – только и удивлялась Катерина. Но все-таки, на всякий случай, она хранила и лелеяла свое недоверие к Сергею, хотя даже не знала его толком, только с моих слов, а знакома и вовсе не была (Сергей не хотел знакомиться ни с кем, не только с моими родителями, чему я была по большому счету рада), если не считать мутной фотки, сделанной на дешевый мобильник, которым я все-таки обзавелась, хоть и не всегда имела возможность держать положительный баланс. Откуда у студентки положительный баланс? У студенток все отрицательное!

– Мне все равно, кем я стану. Главное, чтобы он был счастлив.

– Идиотизм в действии! – констатировала факт Катерина. – Любовь сводит человека с ума и превращает в простей-

шее одноклеточное. А тебе не интересно, будешь ли счастлива ты?

– Нет, – я искренне пожала плечами. – Я буду несчастна, если он будет несчастлив. Я люблю его, и ты не должна над этим смеяться.

– Отличная позиция! – Катерина была полна скепсиса. Она сидела на перилах и пила простую воду из бутылки, потому что считала, что от газировки и кофе портится цвет лица. У меня же и так, без кофе и газировки, цвет лица был болотный, я не спала полночи, готовилась к зачету, после того как целых полтора часа разговаривала с Сергеем. – Любовь. И что, что ты надеешься получить взамен такого подвига? Хочешь стать женой декабриста? Или просто женой?

– Когда любишь – просто любишь, – я попыталась пояснить что-то, хотя прозвучало это глупо. Как и многое из того, что я говорила.

– А если он не будет тебя любить? Что, если он только балуется с тобой? И вообще не собирается жениться?

– И пусть. Я и не думаю, что он может на мне жениться! Такие вообще должны жениться на других женщинах... – я потупилась. – На других.

– На каких? Что в тебе не так?

– Все не так. Я вообще не понимаю, что он во мне нашел.

– Влюбленную идиотку он в тебе нашел. Которую – щелкнешь пальцем – она уже тут. Это ж просто праздник какой-то! – дразнила меня Катерина, болтая ногами. Она не

хотела ничего понимать про мою любовь.

– А что, с тобой никогда ничего подобного не может случиться? Вдруг ты влюбишься и будешь тогда рыдать на моем плече! – развела руками я, но она только усмехнулась. Катерина была ой как популярна в наших институтских кругах. Да что там: миниатюрная, симпатичная, умеющая себя подать восемнадцатилетняя красотка со взглядом королевы – да за ней толпами ходили.

– Я предпочитаю, чтобы любили меня! – фыркнула она. – И не побегу по одному звонку к кому-то там в постель!

– А я побегу! – честно признавала я. Конечно, я готова была побежать по любому его зову, тем более что это происходило ужасно редко и нерегулярно. И меня меньше всего интересовало, что именно он об этом подумает. Я вообще не воспринимала все это как реальность. Казалось, что достаточно одного неловкого движения, одного неправильного слова – и он исчезнет и не позвонит мне больше никогда.

– Ты что так смотришь? – спросил он меня как-то, когда мы ехали куда-то к его друзьям. То, что он решил представить меня каким-то своим друзьям, просто окрылило. Меня, каждый день боящуюся, что все кончено! Разве повезут к друзьям, пусть даже и к самым дальним, если хотят девушку бросить? Я сидела рядом и рассматривала каждую черточку на его лице, линию его подбородка, голубые, чуть узковатые, постоянно смеющиеся глаза.

– Я просто... стараюсь тебя запомнить, – смутилась я.

– Зачем? – усмехнулся он удивленно. – Чтобы потом по памяти фоторобот составлять?

– Фоторобот? – улыбнулась я. Да уж, он такой – обязательно что-то скажет, и я буду смеяться. В его присутствии, просто когда он рядом или даже просто в трубке телефона, внутри становилось так тепло и радостно, и маленькие солнечные зайчики плясали в крови, вызывая желание улыбаться до ушей, плясать без усталости всю ночь. Странная химия происходила во мне, стоило Сергею нарисоваться где-то рядом.

– Ну, а зачем тогда тебе меня рассматривать? Мне аж жжется, ты во мне таким взглядом дырку прожжешь! – улыбнулся он и положил руку ко мне на коленку. Я замерла и хрипло ответила:

– Я просто хочу все помнить потом.

– Потом? Когда потом? – удивился он.

– Когда ты меня бросишь, – пояснила я. Он даже несколько растерялся, что случалось с ним не так часто. И притормозил на светофоре, хотя обычно проскакивал на желтый и даже на красный, если тот только включился. Сергей любил водить и делал это с настоящей лихостью, от которой захватывало дух.

– А ты так уверена, что я тебя брошу?

– Уверена. Обязательно бросишь, – кивнула я и посмотрела в окно. По улице ручьями текла вода, кажется, стояла весна, хотя ночи еще были темными. Или это просто память

подводит меня? В любом случае, первый курс подходил к концу, хотя я этого так и не заметила. Весь год как в бреду. Первая большая любовь.

Между прочим, мы с Сергеем, вопреки всем прогнозам моей мамочки и подруги Катерины, довольно долгое время сохраняли вполне платонические отношения, если не считать поцелуев и объятий при луне (или, правильнее сказать, при свете фар дальнего света от едущих мимо машин). Уж не знаю, почему *это* не происходило так долго. Уж точно не из-за моего высокого морально-нравственного облика. Какое там, я бы рухнула в его постель раньше, чем он бы закончил произносить мое имя. Подозреваю, что сам Сергей долгое время никак не мог решить, нужна ли ему вообще такая вот малолетняя влюбленная деваха, готовая ради него бежать из дому на край света. Даже в Бутово, к его друзьям, по одному звонку, причем своим ходом. И никакого уважения к себе. Ни капельки. Думается, не было до меня в его жизни такой вот дуры, которая восприняла его появление как своеобразный свет в конце тоннеля. А его самого – как натурального пророка, несущего свет правды и любви. В общем, думал он, думал – а оно ему надо или нет? Сложный это вопрос. Ведь стоит приручить такую – и бед не оберешься. Но, видимо, надумал – примерно к середине июня, когда я вся была сконцентрирована на том, чтобы сдать сессию, как и положено настоящей *и умной* женщине, которых он предпочитал.

– Как ты там, деточка моя? – как всегда, покровительственным тоном, улыбаясь, спросил он, встречая меня из института. – Все уроки сделала?

– У меня сессия! – гордо напомнила я.

– А, то есть ты большая уже девочка? – поддел он.

– Я уже давно большая девочка, – обиделась я, но он только рассмеялся, притянул меня к себе и прошептал на ухо:

– Тогда тебе давно пора стать женщиной! – отчего у меня сердце ушло в пятки и оставалось там до самой глубокой ночи. Нет, не то чтобы у меня не было никакого эротического опыта в жизни. Бывало, как же. Но женщиной я себя не чувствовала до того дня, когда именно Сергей решил, что мне пора ею стать. В жизни каждой женщины есть именно тот мужчина, который меняет все. Что ж, для меня, определенно, им стал Сергей.

В тот день он был какой-то взъерошенный, нервный, на взводе. Кажется, даже немного пьяный, хотя за рулем это опасно и дорого. Впрочем, он всегда любил говорить, что риск – благородное дело. И пьяным иногда ездил. Нечасто, но что сказать – случалось. Из песни слов не выкинешь. Кстати, на гаишников ему почему-то везло. Умел он их уболтать, если что. Так что... мы поехали. Первый раз я попала к нему домой. И от того, что я увидела там, мне захотелось любить его, Сергея, еще больше, еще крепче и неистовее. Быстрее, выше, сильнее! А также громче, страстнее, гибче, и вообще, все, чего бы он ни захотел. Его дом – это был дом

моей мечты. Именно такой, в каком я хотела бы провести всю жизнь, и именно такой, какого у меня никогда не было. Дом его мамы, Елены Станиславовны Сосновской, оказался устроен с любовью, вкусом и умением, а также с деньгами в размерах, о которых мы – Сундуковы – никогда и не мечтали. И не потратили, наверное, за всю жизнь. Даже если считать с бабушкой.

– ВАУ! – только и смогла я сказать, проходя чуть ли не на цыпочках через огромный холл трехкомнатной квартиры, увешанный какими-то картинами. Бархатные портьеры, пальма, стеллажи до потолка – с книгами в таком количестве, что просто свихнуться можно, если бы их, к примеру, все перечитать. Это вам не социологию сдавать по лекциям в тетрадке. Это было настоящее хранилище знаний, а не холл.

– Нравится? – с улыбкой спросил Сергей, утягивая меня за собой – в кухню.

– Не то слово. И ты тут живешь? Ой! – я увидела на кухонном столе, покрытом шелковой, нереально белоснежной скатертью, недовольно смотрящего на меня зеленоглазого кота, пушистого, как мамина шапка из зайца. И примерно такого же серого дымчатого цвета.

– Это наш Валечка! – нежно произнес Сергей и погладил «Валечку» своей большой рукой. – А это Диана, Валечка. Не царапайтесь, ладно?

– Я уж точно не буду, – усмехнулась я.

– Как знать. Прошлая моя девушка этого кота пыталась из

окна выбросить, – поделился Сергей. – Посмотрим, как ты с ним споешься. Имей в виду, для моей мамы этот кот даже дороже меня.

– Не может быть, – улыбнулась я. – Так ты что же, назвал меня своей девушкой?

– Ну, а ты против? – игриво улыбнулся он. Надо ли говорить, была ли я против. Я трепетала от одной мысли, что он, Сергей, может быть, все-таки хоть немножечко, но тоже любит меня. И наша первая ночь стала для меня чем-то невероятным, по-настоящему большим и сказочным, хоть это все и не было связано с каким-то там физическим удовольствием. Какое там удовольствие, в моем-то случае. В первый-то раз. Но к чести Сергея надо заметить, что, по большому счету, первый раз как раз таким и должен быть. Когда страстно влюбленная и теряющая голову от этой любви девушка, готовая практически на что угодно, достается взрослому мужчине, который, по крайней мере, не будет задавать вопросов «а ты не залетишь?» или: «тебе было хорошо?» – глядя в глаза испуганным заячьим взглядом. Именно так выглядел мой настоящий первый раз. Но я решила, что все, что было в моей жизни до этого, – не в счет. Именно эта ночь и именно этот мужчина, а больше ничего и никого для меня не существовало, нет и уж точно никогда не будет. Помню, в тот момент я любила его так, что мне хотелось ради него умереть. Но все выжили, через несколько часов он попросил меня уехать домой, но только предварительно помочь убраться

в квартире.

– Мама завтра с утра приедет из командировки. Она у меня – вице-президент банка, – гордо добавил он.

– Здорово, – кивнула я, сочтя за лучшее не поминать сейчас карамельно-шоколадную карьеру моей мамочки. Не сейчас. Мы убрали следы нашего грехопадения, выпили еще немного вина, а потом он проводил меня до остановки троллейбуса (не мог же он сесть за руль таким пьяным) и поцеловал на прощание. И с пожеланием вести себя хорошо и быть примерной девочкой я была отправлена домой.

Глава пятая, в которой все меняется к лучшему, за исключением бабули

*Я же женился на тебе, что еще я должен
делать по дому?
«Мужчины о любви»*

Отношения – это всегда какая-то дребедень и взаимное недопонимание в рамках завышенных ожиданий и заниженных возможностей. Но все-таки хорошо, когда они есть. Отношения, я имею в виду. Потому что у нас с Сергеем долгое время были не отношения, а вообще черт знает что. У меня с ним была Большая Любовь со всеми вытекающими отсюда последствиями, то есть бессонными ночами, слезами у Катериногого плеча, придуманными поводами для звонков, когда я с замиранием сердца ждала, возьмет он трубку или нет, а потом срывающимся голосом спрашивала:

– Ты извини, я тебя не отрываю от чего-то важного?

– Нет, детка, нет. Все в порядке, – отвечал он равнодушным голосом. – Я на работе. Что случилось?

– Ты знаешь, я хотела узнать, – по возможности беззаботно говорила я, а дальше следовала какая-нибудь хрень, которую я долго и мучительно выдумывала под Катериныны смешки. – Я хотела уточнить, какую модель компьютера сто-

ит сейчас покупать.

– Ты хочешь купить компьютер? – удивлялся он, потому что прекрасно знал, что у меня денежных средств не то что на покупку компьютера – на покупку колготок лишних не случается. И никакой дополнительной денежной эмиссии со стороны родных и близких не предполагалось. Но за спрос-то денег не берут! А у Сергея была фирма – компьютерная. И он в этом разбирался. И долго мне потом объяснял, что «Celeron» брать ни в коем случае нельзя, а «пень» – как раз бери смело, только они дороже. И вообще, может, лучше взять ноутбук.

– Ты считаешь? – я слушала его с восторгом и думала: какой же он у меня умный. Ключевое слово – у меня.

– А вообще, когда соберешься, ты мне звони. Я съезжу с тобой, а то ты точно какой-нибудь чемодан купишь вместо прибора.

– Это ты прав, – соглашалась я. Если бы было можно, я бы покупала компьютер каждый день, но, к сожалению, эта отмазка работала раз, ну два. А дальше придумывалось что-то еще. Потому что, и это надо с грустью признать, сам он звонил мне редко. И (тоже с грустью признаю) частенько не совсем трезвый. Или не совсем в хорошем настроении. Если кто-то его завел. Или он с мамой поругался. К счастью, со своей крутой банковской мамой он ругался достаточно часто. А потом звонил мне. И все-таки этого было, конечно же, недостаточно, чтобы считать, что у нас есть Отношения. По

большому счету, хоть мы и спали вместе и даже однажды ездили в пансионат где-то под Завидово, а все же у меня не было никакой уверенности, что я у него – единственная. И что он реально считает меня своей девушкой.

– Он что, тебе изменяет? – ужаснулась Катерина, когда, уже захлебываясь ревностью и муками, я все-таки поделилась своими подозрениями с ней. – И ты что, это терпишь?

– Я не знаю. Я не уверена. Просто он мне не звонил уже две недели, а когда я ему звонила, он, кажется, сбрасывал мой номер, – рыдала я.

– Ты должна это прекратить! – решила Катерина, но я взвыла так, что она только рукой махнула. Честно признаюсь, не знаю, что бы я делала тогда, если бы не она. Я проводила практически все свободное время у нее, на первом этаже, стараясь как можно реже сталкиваться дома с мамой. Пусть уж хоть как-то выдохнет, верно? Я была как раненый зверь, которому надо отлежаться в густой траве, поесть правильной травки. Которому нужно время. И трудно отвечать на вопрос: «Когда ты думаешь братья за ум?» С появлением мобильного мне не надо было сидеть дома и ждать звонка у аппарата с длинным серым проводом, уходящим под плинтус. Свободу попугаям! Я сидела у Катерины, смотрела, как она бродит по Интернету, слушала ее бесконечные сплетни о бесконечном числе подруг, знакомых, родственников, знакомых родственников – Катерина любила поболтать, я же говорить могла с трудом и только о Сергее, так что молчала

и слушала. И ждала звонка. Потом начался второй курс, он дошел до середины, но практически ничего не изменилось. И если бы не редкие, но вполне регулярные появления Сергея в моей жизни и в моей постели, я бы смело могла сказать, что он ко мне охладел. Но он все-таки появлялся, уж не знаю почему и зачем. Через столько времени даже я уже начала подозревать, что не очень-то он меня и любит. И все же... Я ничего не могла с собой поделаться. Наверное, любовь – все-таки болезнь. И очень трудно излечимая при этом.

Зимой, на втором курсе, практически сразу после Нового года, умерла бабушка. Инсульт. Мама приехала, когда было уже поздно. Бабушка лежала на диване и смотрела на свою собственную фотографию в молодости пустым, стеклянным взглядом.

– Если бы я приехала на пару часов раньше! – всхлипывала мама, рассказывая мне об этом.

– Ты бы ничего не смогла сделать, – успокоила ее я. Никогда не думала, что мама будет так переживать, особенно если учесть, что она бабушку не слишком-то сильно любила.

– Говорят, при инсульте самое важное – успеть сразу какие-то препараты вколоть. Тогда еще есть шанс.

– Ей было восемьдесят девять лет. Какие шансы? – с чисто мужской циничностью встрял папа. Но мы с мамой хором посмотрели на него взглядом «как ты можешь, ты – сын, называется!» и хором зарыдали. Мне-то вообще в то время, чтобы зарыдать, достаточно было сказать: «Маленький несчаст-

ный котенок». Или даже просто грустно на меня посмотреть. А мама распереживалась.

– Она всегда была ко мне добра! – всхлипнула она и добавила: – Надо похоронить хоть по-людски!

– А чего ж, конечно, – осмотрительно закивал папа. Я же, немного погодя, когда мать успокоилась и уснула, а отец пошел делиться горем к «стекляшке», залезла в маленький чуланчик, какие только в наших старых пятиэтажках и бывают, набрала номер Сергея и вздохнула. Да, даже в этот момент единственное, до чего я додумалась, – это позвонить ему.

– Плюшечка? – устало и сонно ответил он, хотя на дворе был ясный день.

– Сереж, у меня бабушка умерла, – сказала я и горько разревелась.

– Мне так жаль, – проникся сочувствием он и, к моей вящей радости (если будет уместно употребить это слово в прилагаемых обстоятельствах), приехал тут же, то есть минут через сорок по пробкам, чтобы меня утешать. Сейчас, по прошествии всех этих лет и событий, думаю: как же это могло быть, чтобы я была такой дурой? А вот была, поди ж ты. И когда он меня утешал, я искренне верила, что это значит, что я ему небезразлична. Ведь примчался же! Ведь не сказал, что занят, зайдите на недельке. Или оставьте записку у секретаря. И даже поехал со мной на похороны, хоть это и означало, что его увидит моя мама. И папа попробует с ним выпить за упокой бабушкиной души. А он, Сергей, будет ве-

сти себя мудро и воспитанно и не станет замечать, что папа с самого утра был не на твердых ногах.

– Пусть земля ей будет пухом, – даже сказал он, отчего мама моя прослезилась и в коридорах прижала меня к стене и сказала:

– А он не так уж и плох, оказывается, держись за него.

– Я держусь, – кивнула я. Хотя было бы правильнее сказать, что я в него вцепилась. И тем не менее именно после бабушкиных похорон наши так называемые отношения сдвинулись с мертвой точки. Он зашел ко мне домой и пробыл там достаточно долго, хоть я и боялась до ужаса этого момента – когда он увидит мой дом. Сравнения он не выдерживал никакого, особенно с Ляпидевского. Особенно с бархатными тяжелыми портьерами, которые до Ляпидевского я видела только в кино о дворянской жизни.

– Мило, – кисло кивнул он, осматривая мою комнату. Старые, местами отслаивающиеся обои, желтый в пятнах потолок (он немного подтекал в дождь, этаж-то пятый), серые, пыльные деревянные оконные рамы. М-да, не Версаль.

– Ты понимаешь, нас же должны снести. Мы тут все сидим и ждем, делать ничего не можем.

– Снести? – озадаченно посмотрел он. Я пояснила:

– Дом снести. Обещали до двенадцатого года, а там как пойдет. Места тут вроде как дорогие, так что... Сначала до десятого хотели уже сносить, даже прописку, сказали, закроют, а теперь вот перенесли. И представляешь, весь дом сидит

и ждет. Даже ремонта не сделаешь, а что будет – непонятно. Так и ждем, когда наш «Титаник» затонет.

– «Титаник», говоришь, – усмехнулся он. – Где ж тот айсберг? Может, динамиту подложить?

– Тоже вариант. Аркашка под нами живет – он уже предлагал. Написать листовки, чтобы народ весь на дачи уехал, – и рвануть.

– Ага, ладненько. Чаю сделаешь? – перевел тему Сергей. А в целом, он адаптировался в нашей трущобе вполне нормально. И с удовольствием стал у меня бывать, особенно потому что после бабушкиных похорон мама с папой решили переехать. Сначала мама думала, что, может быть, мы будем ту квартиру сдавать и все такое. Деньги – штука хорошая, но вдруг выяснилось, что хоть бабушка и клялась-божилась оставить квартиру маме, завещания она никакого не написала.

– Вот ведь вредная старуха, светлая ей память! – бушевала и свирепствовала мамуля. – И что, получается, все перейдет этому остолопу!

– И что? – разводил руками остолоп, то есть папуля.

– И то! Мало я с тобой промучилась, чтобы ты еще на старости лет единственное имущество пропил у «стекляшки», будь она проклята! – умело аргументировала она. – А ты хоть о дочери подумал?

– А что с дочерью-то не так? Отличная дочь! – ерничал отец, глядя на меня.

– Так и подумай ты, ирод, – ей же замуж надо. Давай переедем, а эту квартиру – ей.

– Да я ж разве против, – под весом улик рухнул отец. Для него, конечно, отъезд в такую даль, как Октябрьское Поле, был как ножом по сердцу: вся его публичная жизнь, светские мероприятия и общественно-бесполезный образ жизни оставались здесь, у «стекляшки» и на лавочке около окошка приема стеклотары. Однако перед таким аргументом, как счастье влюбленной как кошка единственной дочери, папа устоять не мог.

– Так, может, ее туда поселим? – спросил он после некоторых колебаний. На его взгляд, это был идеальный вариант – и волки сыты, и овцы мирно пасутся, а главное, от «стекляшки» не надо уезжать.

– Да что ты. И сами так и проживем всю жизнь в этой помойке? – возмутилась мать.

– Почему помойке? – удивился папа. Для него текущие в ванной краны или отлетающий от пола линолеум проблемой не являлись. Он и не замечал этого ничего, зачастую проваливаясь в сон еще на лестничной клетке. А вот мама в глубине души, видимо, мечтала все-таки об уюте и накрахмаленных кружевных скатертях.

– Да потому что там метро рядом. Там кухня – восемь метров. Покрасим потолок. Сколько можно, всю жизнь ждем у моря погоды. Может, эти дома вообще никогда не снесут, будь они прокляты.

– Но я тут привык! – взмолился папа.

– Знаю я, к чему ты привык, – фыркнула мать. – Переедем, пропишемся, а дочь пусть приватизирует тут все. И сносит.

– Мам, ты уверена? – ахнула я. От открывающихся передо мной жилищных перспектив захватило дух. Кто в девятнадцать лет не мечтает о собственной квартире? И кого в девятнадцать лет волнует, отходит ли линолеум? Я была готова строить свое счастье хоть вообще без линолеума.

– А что, дочь? Конечно, так будет лучше! – смирился отец. Мать же, как только вышел срок, сама оформила все документы, дабы не тревожить (по ее словам) нервы отца, а в особенности не допустить к его рукам от греха подальше ни одной квартирной бумажки, потому как пропьет как пить дать (простите за каламбур). А потом прописалась в квартире, притащив папашу в ЕИРЦ как шелудивого котенка, за шкирман. И уже на законных основаниях, запрятав документы и папин паспорт (папа все ворчал, что она с ним ведет себя, как прораб с гастарбайтерами), мама наконец собрала чемоданы.

– Ну, дочь, не забывай нас! – торжественно обняла меня она и прослезилась. После этого мы целый день возили на тележке их вещи, используя для переезда наземный общественный транспорт, иными словами, троллейбус. Грузовика нанимать не стали, так как никакой мебели из дома они не забирали, у бабушки и своей мебели из старого ДСП имелось достаточно. Вечером, сидя на тюках и коробках, по-

пили чаю, откопали чемодан с постельным бельем, застелили кровать, бывшую до этого бабушкиной. Постояли перед бабушкиным портретом, перекрестились, и я отбыла домой – в свою теперь уже совершенно квартиру номер тринадцать в девятом доме по нашему бульвару. Свезло, так свезло. И Сергей, кажется, везение это оценил тоже.

– Слушай, я у тебя останусь? – спросил он как ни в чем не бывало буквально на третий день после маминого переезда. – А то я выпил, мать дома достала ворчать!

– Да что ты, конечно, оставайся, – радостно заверила его я. – Ты же знаешь, я буду просто счастлива. А хочешь, вообще у меня живи!

– Ну... не будем загадывать так уж далеко, – довольно улыбнулся он. – Живи! Я еще не готов вот так серьезно. Но...

– Я не это имела в виду, – смутилась и сдала назад я. – Просто, если тебе так удобно, ты можешь оставаться столько, сколько надо.

– Да? Ну, спасибо, – пробормотал он и заснул. Я понимала, что Сергей не привык жить в таких условиях. И портьеры из тяжелого бархата, даже если бы я исхитрилась и купила их, тут негде было бы повесить. Но он остался раз, остался два – он тогда, кажется, сильно конфликтовал с мамой. Она не одобряла его бизнес, считала это какими-то детскими игрушками. Она не одобряла его друзей, его любовь к хорошей компании и особенно к хорошему спиртному в этой самой компании, не любила его жизненной позиции и требовала от

него чего-то, чего он, по-видимому, дать ей никак не мог. А я не требовала ничего, краснела, когда он выходил из ванны с брезгливым выражением на лице, потому что там на стенах появлялся, пардон, грибок. Я терла, терла, но он не оттирался, а наплывал заново буквально за неделю.

– Ничего, – смиренно говорил он. – Может, все-таки покрасить?

– А если снесут?

– Ладно, – махал он рукой. Постепенно в моем доме оседало все больше и больше его вещей. Бритва, лучше которой для мужчины нет. Гель для бритья, запах которого напоминал мне о нем, если он долго не приезжал. Книга по компьютерам, в которой я не могла разобрать ни слова, кроме номеров страниц (ах, какой он умный!). Несколько пар носков: он купил их у нас в промтоварах, на Карбышева, потому что не собирался ночевать, но переночевал, а потом надо было идти на переговоры с кем-то.

– Слушай, он что, у тебя живет? – хмурилась Катерина. – Смотри-ка, даже зубная щетка стоит. А это что за таблетки? Алка-зельцер. Понятно. Дин, ты в своем уме?

– Он не живет. Он... бывает, – уклонялась я от ответа.

– Да? Но он бывает у тебя пять раз в неделю. Как на работе, согласно трудовому законодательству. А в субботу и воскресенье ты даешь ему выходные.

– Кать, я счастлива, – только качала головой я. – Когда он тут, я просто счастлива. Он может бросить меня в любой

момент. Ты же понимаешь, это все не для него. Это просто из-за мамы, они там что-то совсем собачатся.

– Все собачатся. И что? Я со своими тоже собачусь, но не бегу со своей зубной щеткой никуда. Нет, я понимаю, ему тут у тебя очень удобно. Пиво в холодильнике, обед на столе. И он тут – царь и бог.

– Хочешь, я тебя с ним познакомлю? – предложила я. – Ты поймешь, почему я его так люблю.

– Нет уж, увольте. Такие знакомства не в моих правилах. Или имей в виду: я могу высказать ему все, что о нем думаю. И что вот так пользоваться твоей дуростью – это низко. И то, что нечего тебя дразнить, тебе надо реально строить свою жизнь. Сессию сдала – молодец, скоро третий курс. Думать надо о будущем, а он только тратит твое время. И вообще, не хочу я с ним знакомиться. Я из-за него к тебе в гости не могу ходить. И ты ко мне почти не ходишь.

– Я буду ходить, Кать, не обижайся! – пообещала я.

Да, это действительно не так просто – совмещать полноценную личную жизнь и дружбу. Особенно если обе эти штуки одинаково важны. Хотя, конечно, нет. Как бы я ни была привязана к Катерине, отношения с Сергеем стали для меня просто всем. Поэтому-то я так и мечтала, чтобы они с Катериной все-таки познакомились, может, не подружились, но установили какие-то нормальные отношения. Чтобы не приходилось вот так разрываться между первым и пятым этажами. Недалеко вроде, но стоило мне засесть у Катерины за

чаем и болтовней, которую мы обе так любили, по какой-то иронии Сергей обязательно нарисовывался у меня дома, звонил, спрашивал, где это я шлеюсь так поздно и почему не кормлю любимого мужчину ужином. Катерина фыркала и требовала, чтобы я «уважала себя» и сказала ему, чтобы сам разогревал ужин, раз приехал без предупреждения. А я бежала и грела, и кормила, и слушала, и кивала. И оправдывалась, почему дома такой бардак и почему я опять не купила лампочку для коридора, чтобы он мог ее ввинтить. И где, в конце концов, его любимая домашняя майка.

Да, надо признать, что жить как нормальная супружеская пара мы начали еще до свадьбы. А поженились где-то через полгода, после зимней сессии третьего курса. Мне было двадцать лет, и хотя за два часа до свадьбы Сергей на меня жутко наорал, потому что я не отгладила его свадебный костюм, я все равно была счастлива до невозможности, когда он надел мне на палец кольцо и сказал заветное: «Да, беру». А к тому, что он вечно мной недоволен и частенько на меня орет, я уже, в принципе, привыкла. Свадьбу мы играли у меня дома, так как его мать категорически отказалась как-то в этом участвовать. Она считала все это какой-то позой (я лично слышала, как она сказала вот это словечко: «поза») и решительно проигнорировала наше бракосочетание, чем страшно возмутила моих родителей.

– Тоже мне – цаца, – весь вечер ворчала мать.

– Она просто не готова, – оправдывалась почему-то я.

– К чему? К тому, что ее великовозрастный сынок в тридцать с лишним лет женится? А что, надо подождать до семидесяти?

– Мам, не начинай, а?

– Ладно, дочь, тебе жить – она твоя свекровь, – вздохнула мама. То, что у меня будет не только муж, но и свекровь, несколько пугало, особенно своей неопределенностью. Сложно составить мнение, если знаешь о человеке только то, что он очень крут и что у него огромный пушистый кот Валечка. А в целом свадьба прошла без эксцессов. Да, кстати, Сергей с Катериной познакомились лично, живу, так сказать, именно тогда, на нашей свадьбе. Катерина была моей свидетельницей, а с его стороны шафером выступал какой-то молчаливый бородатый мужик огромного размера, который только после нескольких стаканов сказал Катерине, что соответственно приметам свидетели на свадьбе обязаны друг с другом переспать.

– Ага, сейчас все брошу. Только бретельку поправлю – и бегу, – ухмыльнулась Катерина. Я тоже улыбнулась, отослала свидетеля куда и положено, то есть туда, куда Макар (кто это этот Макар?) телят не гонял, и тихо спросила Катерину, наклонившись к ее уху:

– Ну, как тебе мой Сережа?

– Ты знаешь, ничего, – к моему облегчению кивнула она. – По крайней мере, он веселый.

– Это да, – выдохнула я. – Веселый. Если бы ты знала,

Катя, как же я вас обоих люблю.

Глава шестая, в которой мой муж пополняет словарь, а я – холодильник

– Ты считаешь, что моя любовь ничего не стоит?

– Да я могу все подсчитать, до копейки!
«Мужчины о любви»

Чем отличаются неудачники типа меня от так называемых нормальных людей? Да всем! Всей своей неудачнической жизнью, в которой мы плаваем, как утопающие, брошенные волнами из стороны в сторону. Нормальные люди строят планы, заботятся о будущем, оканчивают институты и уже подумывают о какой-нибудь подходящей работе, а мы, неудачники, только и стараемся не захлебнуться в волнах, не зная, что случится в следующие пять минут и откуда, с какой стороны снова накроет, чтобы потом отплеиваться и пытаться вдохнуть хоть глоток спасительного воздуха. В моем случае спасительным глотком служила Катерина. Мечты о счастливом семейном быте я похоронила практически сразу после свадьбы, и вся моя реальность как раз и состояла из жалких и безуспешных попыток выбраться на твердую почву, с которой муж все время сталкивал меня своими словами, действиями или помыслами. Честное слово, я хотела

быть хорошей женой, хотела встречать мужа дома ужином, давая ему отдых после тяжелого рабочего дня! И плакала, когда он, злой как черт из-за того, что я опять не погладила его рубашку, уходил неизвестно куда и колесил где-то, наказывая меня. Я рыдала, избивая кулаками подушку, и вопрошала небеса:

– Ну почему, почему я такая неудачница! Почему я не могу ничего сделать правильно?! – а Катерина, вызванная мной, как соломинка, за которую я все время хваталась, гладила меня по голове и утешала.

– Ты никакая не неудачница. Просто ты устаешь. Ты не умеешь многого. Но ты научишься.

– Я не могу даже обжарить замороженные котлеты – они у меня горят.

– Ты лучше скажи, почему тебя на паре не было? И вчера тоже. Ты что, хочешь сессию завалить?

– Какая сессия! – мотала головой я. Даже не представляла, что одна свадьба может породить столько проблем! Одна коротенькая запись в книге актов гражданского состояния – и я сразу стала должна всем и каждому: кому котлеты, кому позвонить, чтобы не обижались, что не звоню, кому не звонить, чтобы не мешать работать.

– Милая моя, ты думаешь, если ты бросишь институт, то этим укрепишь ваши с ним отношения? – скривилась Катерина. Да, понимаю, как странно было ей смотреть, как я глупо мечусь по квартире, как каждую минуту выглядываю в ок-

но, чтобы посмотреть, не подкатилась ли «Субару» к своему уже ставшему законным месту около пункта приема стекло-тары, между двумя тополями. Сережкина машина была самой лучшей во дворе, самой дорогой и красивой. Все считали, что мне сказочно повезло отхватить такого принца. Я тоже так считала.

– Я просто проспала.

– Да не смотри ты. Что с того, что он уехал. Пошли кино посмотрим, – зазывала она, так и не понимая, что же происходит со мной. Хотела бы я и сама понимать, что это было. Но в тот момент я просто не могла ни о чем думать, кроме того, что вдруг Сергей уехал, чтобы больше никогда не вернуться. Вдруг эти чертовы сожженные котлеты (мать их дери, надо же было!) оказались той самой последней каплей после всех моих остальных преступлений?

– Ты просто ужасная жена, если честно, – говорил Сергей частенько и вздыхал, показывая, как много ему приходится терпеть. А иногда добавлял: – Права была мама. Да, надо было жениться на ком-то, кто умеет хоть готовить.

– Сереж... – только мычала я.

– Что Сереж? Что, а? Почему посуду-то не помыла? Нет, ты посмотри, какой бардак! Ты только посмотри, в каком бардаке я вынужден жить!

– Я убирала! – это было жалко, все мои попытки объясниться, крики о том, что как можно убратсья в кухне, где потолок протек и оставил грязные разводы на стене, а обои от

этого и вовсе отвалились. А что в комнате на потолке пошла трещина и отваливается штукатурка. И что я каждый раз, сидя в кресле в маминной (бывшей) комнате, боюсь, что еще один здоровенный кусок свалится мне на голову. А провода все давно держатся на соплях и не выдерживают нагрузки – даже утюга. Выбивает пробки. А как рубашку гладить без утюга, я не понимаю!

– Если бы ты росла в нормальной семье, ты бы была другой, – иногда в полном отчаянии бросал он. И я соглашалась, соглашалась с чем угодно, только бы он не нервничал, только бы... не напился опять. И не уехал неизвестно куда, оставив меня одну в маленькой комнате перед телефонным аппаратом. Да, он выпивал. Собственно, что в этом нового? И странного. Кто в России не пьет? Либо мутант, либо моральный урод. Это не я, между прочим, сказала. Это так в песне поется, я по радио слышала, когда с Сергеем ехала к его маме. Сергей любил песни про шашлычок под коньячок, любил Цоя и Виагру, да и сам шашлычок любил тоже. С коньячком. Он всегда подпевал радио и всегда знал слова, уж не знаю, откуда они в его голове оседали. Память хорошая. Или просто проводил в машине кучу времени. Если бы можно было в машине жить, я уверена, мы бы переехали туда. Кстати, машину, как оказалось, ему подарила мама. Вернее, не совсем подарила, она поручила ему какой-то контракт по поставке оборудования в свой банк, а уж потом он купил «Субару». Но она всегда говорила:

– Не ты купил, а я подарила. Как же, купил бы ты сам? Ты сам и на бампер не зарабатываешь!

– Мама, а как ты вообще? Давление не скачет? – злился, но сдерживался Сергей. Хотя он знал, что мама не выносит вопросов как о возрасте, так и о здоровье. Его мама много чего не выносила. Я, честно говоря, старалась не лезть в их отношения. Милостью богов было уже то, что его мама – высокая, величественная, с прекрасными золотистыми волосами красавица в царственном зеленом с розами халате – решила все-таки в конце концов со мной познакомиться. Раз уж я все равно уже есть, трудно меня совершенно не замечать. Впрочем, она старалась ходить, что называется, мимо меня и после того, как нас друг другу представили. Я была для нее только источником информации о нем, о Сереже.

– Сережа, ты опять какой-то невыспавшийся, – в тон ему отвечала она. – Дианочка, он что, не высыпается?

– Нет, Елена Станиславовна, все в порядке. Просто работает много.

– Работает? – фыркала она. Ее отношение к тому, что Сергей делал, было презрительным. И вообще, мне казалось, что она в нем сильно разочарована. Постепенно, по вырвавшимся словам, по фотографиям, в обилии развешанным по квартире, по ее рассказам о Сереженькином детстве, я собрала, как пазл, историю, в которой Сергей Сосновский не оправдал большие материны надежды. А ведь сколько сил, сколько сил!

– Он был таким способным! – восклицала она, останавливаясь около фотографии, где Сергей с дикой хохочущей рожей, еще совсем волосатый и даже с усиками, в белом халате сидит на больничной качалке.

– А это какой институт?

– Первый мед. У Сережи был красный диплом, он медалист, ты знала? – расправила плечи она.

– Нет, я не знала.

– Как же так, это же твой муж все-таки.

– Мама! – влезал Сергей. Как он ненавидел эти воскресные визиты! А я сидела и слушала. Мне так хотелось стать частью этого целого, в котором даже не сам Сергей, а вся эта атмосфера, эти воспоминания, книги, портьеры – все было таким чарующе уютным, пропитанным нормальной жизнью, сытой, спокойной и счастливой. Той, которой, как любил подчеркивать Сергей, у меня никогда не было.

– Сережа хотел стать врачом. Я даже не знаю, откуда такая дурь – бросать вуз. Какая-то мода сейчас пошла на неучей, что ли? Он прекрасно учился, а этот ваш бизнес – чушь какая-то. Сколько ты зарабатываешь? Кто сказал, что из тебя может выйти бизнесмен? У тебя всегда веселье было на первом месте. А мог бы уже стать травматологом-ортопедом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.